

В ОГНЕ БОЁВ, В ДЫМУ ПОЖАРИЩ...

Поэты-казахстанцы – участники Великой Отечественной войны

Жамбыл ЖАБАЕВ

(1846–1945)

Ленинградцы, дети мои!

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невосковой струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим я скользну, –
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рой,
Золочёных крыш острия...
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Не затем я на свете жил,
Чтоб разбойничий чутать смрад;
Не затем вам, братья, служил,
Чтоб забрался ползучий гад
В город сказочный, в город-сад;
Не затем к себе Ленинград
Взор Джамбула приворожил!
А затем я на свете жил,
Чтобы сброд фашистских громил,
Не успев отпрянуть назад,
Волчьи кости свои сложил
У священных ваших оград.
Вот зачем на север бегут
Казахстанских рельс колеи,
Вот зачем Неву берегут
Ваших набережных края,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя,
Ваших дедов помнит Джамбул,
Ваших прадедов помнит он:
Их ссылали в его аул,
И кандаальный он слышал звон.
Пережив четырёх царей,
Испытал я свирепость их;
Я хотел, чтоб пала скорей
Петербургская крепость их;
Я под рокот моей струны
Воспевал, уже поседев,

Грозный ход балтийской волны,
Где бурлил всенародный гнев.
Это в ваших стройных домах
Проблеск ленинских слов-лучей
Заиграл впервые впотьмах!
Это ваш, и больше ничей,
Первый натиск его речей
И руки его первый взмах!
Ваших лучших станков дары
Киров к нам привёз неспроста:
Мы родня вам с давней поры,
Ближе брата, ближе сестры
Ленинграду Алма-Ата.
Не случайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлёт,
И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.
Что же слышит Джамбул теперь?
К вам в стальную ломится дверь,
Словно вечность проголодав, –
Обезумевший от потерь
Многоглавый жадный удав...
Сдохнет он у ваших застав!
Без зубов и без чешуи
Будет в корчах шипеть змея!
Будут снова петь соловьи,
Будет вольной наша семья,
Ленинградцы, дети мои,
Ленинградцы, гордость моя!
.....
Ленинград сильней и грозней,
Чем в любой из прежних годов:
Он напор отразить готов!
Не расколют его камней,
Не растопчут его садов.
К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда,
Провожают своих бойцов
Наши села и города.
Взор страны грозиво-свинцов,
И готова уже узда
На зарвавшихся подлецов.

Из глубин казахской земли
 Реки нефти к вам потекли,
 Черный уголь, красная медь
 И свинец, что в срок и впопад
 Песню смерти готов пропеть.
 Бандам, рвущимся в Ленинград.
 Хлеб в тяжёлом, как дробь, зерне
 Со свинцом идёт наравне.
 наших лучших коней приплод,
 Груды яблок, сладких, как мёд, —
 Это всё должно вам помочь
 Душегубов откинуть прочь.
 Не бывать им в нашем жилье!
 Не жиреть на нашем сырье!

.....
 Предстоят большие бои,
 Но не будет врагам житья!
 Спать не в силах сегодня я...
 Пусть подмогой будут, друзья,
 Песни вам на рассвете мои,
 Ленинградцы, дети мои,
 Ленинградцы, гордость моя!

Сентябрь 1941

*Перевод
 Марка Тарловского*

Хамит ЕРГАЛИЕВ

(1916–1997)

Не забуду

Не забуду вовек,
 До конца моих дней,
 Как шагали враги
 По Отчизне моей.
 Как, детей разогнав
 Автоматным огнём,
 В наши школы они
 Заводили коней.
 Как я их и в горах,
 И в болотах стерёг,
 Как свинцом поливал
 На развилках дорог.
 А ночами опять
 По просёлкам глухим
 С почерневшим лицом
 Уходил на восток.
 Не забуду

Горящее поле овса,
 По-над полем народ,
 Уходящий в леса.
 Отсвет страшных пожаров
 Мой путь освещал,
 И казалось, горели
 Кругом небеса.
 Не забуду,
 Как наспех друзей хоронил,
 Под огнём отступал
 От священных могил...
 А потом из засады
 Стрелял по врагам,
 Сколько было снарядов,
 Патронов и сил.
 Как я встал-устоял,
 Принял смертный свой бой
 На виду у Кремля
 Под великой Москвой.
 Устоял и впервые
 Погнал палачей.
 ...Это было ещё
 В сорок первом,
 зимой!
 Я три года их гнал!
 Где ползком,
 Где броском
 От Москвы до Берлина
 Прошёл я пешком.
 И опять хоронил
 Побратимов своих,
 С кем делился в пути
 Табачком и куском...
 Не забуду,
 Как пал за Варшаву Гали —
 Крылобровый джигит,
 Сын казахской степи.
 Как я имя его
 На доске вырезал, —
 А полячки
 Цветы полевые несли...
 Как я вырвал Победу
 Великой весной
 И от счастья заплакал,
 И вместе со мной
 Ликовали все честные
 Люди земли,
 И победный салют
 Прогремел над Москвой.

Перевод Леонида Кривощёкова

Леонид КРИВОЩЁКОВ
(1922–2003)**Честь солдата**

Я должен был остаться там –
На вьюжном поле под Москвою,
Где мы,
Захлёбываясь кровью,
Ползли по огненным снегам.

Ползли, готовясь для броска,
И бросились,
И взяли доты,
И от моей курсантской роты
Осталось двадцать три штыка.

А после лютых контратак
Над почерневшим полем боя
Нас встало из окопов двое,
Чтоб видеть, как бежит наш враг.

И как впервые
В грозный час
Война попятилась на запад.
Катюш, ещё безвестных,
Залпы
Гремели за спиной у нас.

И только тут я понял вдруг,
Что ранен,
Что теряю силы.
Метель, как мать, заголосила,
И побелело всё вокруг.

Потом беспамятство
И бред,
В бреде всё тот же бой кровавый,
Который сны мои взрывает
И нынче –
Через тридцать лет.

Мне нынче,
Стыд сказать друзьям,
Случается сражаться с дрянью,
И горько думать с опозданием –
Зачем я не остался там –

На поле славы,
Под Москвой,
Где спят ровесники,
Не зная,
Какая это шутка злая, –
Держать бойцу подобный бой,

Как не хватает их порой...
Но пусть спокойно спят ребята,
Мне не позволит честь солдата
Уйти с моей передовой.

Дмитрий СНЕГИН
(1912–2001)**Генерал**

*Памяти гвардии генерал-майора
И. В. Панфилова*

В веках тебя гвардейцы не забудут,
Твои дела, твой облик волевой:
Ты с нами, генерал Панфилов,
всюду –
Вот и теперь ведёшь нас
в смертный бой.

Твои глаза горят священным гневом.
Ты смелый в битвах,
властный и простой,
На флангах – то на правом,
то на левом –
Своих полков выравниваешь строй.

Полки идут. И волю напрягая,
Всё сокрушают на своём пути:
И танки, что снаряды исторгая,
Стремились с рёвом
на Москву пройти,

И автоматчиков, и полчища пехоты,
Эсэсовцев хвалёные полки...
Да мало ль у панфиловцев работы?
На то гвардейцы мы, большевики.

Пред Родиной
ещё в долгу большим мы:
За слёзы жён, сестёр и матерей,
Винтовки сжав,
стянув потуже шлемы,
Вперёд, гвардейцы;
на полки зверей!..

Да, никогда гвардейцы не забудут
Твои дела и облик волевой:
Ты с нами, генерал Панфилов, всюду –
Вот и теперь ведёшь нас
в жаркий бой.

В боях за Москву, декабрь 1941 года

Музафар АЛИМБАЕВ
(1923–2017)

**Кинохроника
сорок третьего года**

Кинохроника. Сталинград.
На экране – крошечный ад.
Замер в ярости сельский клуб,
Как спрессованной боли куб.
Тело города гложет огонь,
За снарядам снаряд вдогон.
Замахнуться на Волгу посметь!
Обезумел враг – это смерть!
Истекает кровью река –
Рядовой боец РККА.
Эта битва из тысячи битв,
Здесь хребет врагу перебит.
Хрип: в атаку! Шинель – в окоп.
Бруствер. Очередь. Кадр – стоп.

Триста тысяч солдат, как во сне,
как во сне,
Раздвигают грудью солёный снег.
И дрожит на ветру белый флаг,
белый флаг,
И фельдмаршал
не может взглянуть никак
Нам в глаза.
Полумрак. Тишина. Клуб.
Медный голос победных труб.
Краснозвёздных батыров ряд
Наклоняется в первый ряд.

Разглядеть бы им поскорей
Матерей, сыновей, дочерей...
Так и впился в экран зал,
Так и смотрит – глаза в глаза.

Полумрак. Тишина. Клуб.
Рвётся шёпот с сухих губ:
– Мама, скоро в кино конец,
Мама, где же отец?

– Дорогой мой, любимый сын,
Тише, тише, ты не один...
Ещё много побед впереди.
Мы увидим его. Подожди.

Перевод Александра Крестинского

Есет АУКЕБАЕВ
(1921–2008)

Батальон

Баурджану Момышулы

Багровым заревом была
объята даль. И грохот рос,
и навзничь падали тела
нагих молоденьких берёз.
Враг артобстрелом разметал
холмы, мешавшие пройти,
но перед ним внезапно встал
стальной плотиной на пути
тот батальон,
тот батальон...

Под натиском несметных сил,
казалось, треснула земля,
и вдоль траншеи дым затмил
седые зимние поля.
Горела алой лавой кровь
на взрытом взрывами снегу,
но, отражая вновь и вновь
атаки, жил назло врагу
тот батальон,
тот батальон...

Враг в мыслях взял давно Москву
и был особенно жесток,
взбешённый тем, что наяву
никак войти в неё не мог.
и не с чем этот бой сравнить.
он – отражение войны:
окопов тоненькая нить,
а в ней вся армия страны
тот батальон,
тот батальон...

Мы не забыли этот бой
и не забудем никогда –
Что было общею судьбой,
то не исчезнет без следа.
Дар слова нам не богом дан,
а теми, кто уснул навек,
но знал – напишет Баурджан,
но знал – расскажет имярек
про батальон,
тот батальон...

Перевод Валерия Антонова

Павел КУЗНЕЦОВ

(1909–1957)

Новогодняя ночь

Метёт пурга. Под завыванье вьюги
Притих на миг оледенелый дзот.
Двенадцать полночи.
Ну что же, други,
Нам время дорого. За честь подруги!
За счастье Родины! За Новый год!

Мы выпили. И снова автоматы,
Блестящая дисками, ложатся на ремни.
Двенадцать полночи.
Но мы, солдаты,
Идём поганой кровью супостата
Гусиный пух снегов обогреть.

Идём на месть. В суровых дебрях леса
Встанут виденьем милые места:
Заснеженные горы Дегереса,
Талгарского предутрия завеса
И огоньки родной Алма-Ата.

И яблони с январской вуалью,
И в ермаковском панцире Иртыш,
И ты, голубоглазая Наталья,
Тепло своё под оренбургской шалью
Для нашей встречи,
может быть, хранишь.

А мы идём. Нам некогда томиться
По девушке, по другу, по жене.
В походе мы, и строги наши лица.
Молчим, обязанные подчиниться
Предательски лукавой тишине.

Не терпит слов военная дорога.
Здесь миг потерянный не наверстать.
Здесь всё в расчёте,
правильном и строгом.

Законом дружбы сказано немного:
Убей врага, и можешь помечтать.

Жубан МОЛДАГАЛИЕВ

(1920–1988)

Алия

Вился дым под небосводом синим,
День весенний порохом пропах.
Помню, фотографии в Берлине
Показал мне сумрачный казах.

Чёрный локон, ватник нараспашку,
Полоса армейского ремня.
Худенькая девушка-казашка
Весело смотрела на меня.

Так смотрела, словно смерть и войны
На земле изжиты неспроста.
И, любясь снимком, я невольно
Вспоминал родимые места.

Диких гор безмолвные громады,
Сказочно цветущие сады,
Девичьи загадочные взгляды,
Тихий свет предутренней звезды.

Пляску смерчей на степной равнине,
Скакунов горячий перепляс.
Мой земляк в поверженном Берлине
Мне поведал вот какой рассказ:

«Бой тяжёлый был закончен к сроку,
Оттремел разрывами гранат.
Всюду трупы. А неподалёку,
Слышу, стонет раненый солдат.

Шепчут губы, залитые кровью:
“Умираю, Родина моя!..”
Лоб в пыли.

Глубокий шрам над бровью.
Да ведь это наша Алия!

Снайпер наш, отчаянный и ловкий,
Выручавший каждого подчас.
Снова шёпот:
“Дай-ка, друг, винтовку...
Выстрелить хочу в последний раз...”

Думаю, себя ещё погубит...
Но приклад подвинул ей. Она,
Целясь во врагов, кусала губы.
Грохнуло в ушах. И – тишина...

Стыла даль в безмолвном карауле,
Продолжалось ратное житье.
Алия! Казалось, вместе с пулей
Унеслось дыхание её.

Алия! Землячка и сестрица!
Ты навек оставлена в тиши.
Вновь меня тревожные зарницы
Звали на иные рубежи.

Мне на фронте приходилось всяко.
Но вдали и в этих вот местах
Я ходил в жестокие атаки —
С именем девичьим на устах.

Страха не испытывал ни разу,
Помнил о погибшей каждый миг!..»
Он умолк, как будто тем рассказом
Героине памятник воздвиг.

Перевод Владимира Савельева

Халижан БЕКХОЖИН

(1913–1990)

Освенцим

Разве можем мы быть
равнодушными к злу?
Страшный призрак я вижу
сквозь смрадную мглу:
Чёрным прахом дымятся
на страшных кострах
Миллионы людей,
превращённых в золу.

Слышу голос я жалобный,
памятный мне.
Показалось на миг —
наяву иль во сне? —
Стонет, плачет и кличет
на помощь меня
Брат мой, ставший золой
в этом адском огне.

Безутешная поляка
над пеплом стоит.
Нет любимого...
Кто ей его возвратит?..
Льются слёзы,
и пепел тускнеет седой,
Будто дождь ледяной
его хмуρο кропит.

В этой страшной, угрюмой,
больной тишине
Образ брата погибшего
видится мне,
Он из пепла восстал
и назвал палачей —
Тех, кого я в атаках
встречал на войне.

Грозной молнией гнев
полыхает в груди,
Гулко сердце стучит:
«не прощай! не прощай!»
Мне, из пепла взывая,
кричат мертвецы:
«Ты за нас отомсти,
за поруганный край!»

Голос брата
среди голосов я узнал —
Он убийц проклинал,
он убийц проклинал.
И когда уходил я
в гремящую даль,
Он за мной торопился,
меня нагонял.

1945

Руфь ТАМАРИНА

(1921–1995)

Тем, кто вернётся с войны

Вы долго будете носить гимнастёрки
И потрескавшиеся трубки свои хранить
Рядом с воспоминанием
о безымянном пригорке,
В котором друга пришлось хоронить.
Ещё вы не знаете этого сами,
Но все, живущие на земле,
В день мира хоть на день
станут друзьями,
Забыв об испытанном миром зле.
А вам, по земле, окровавленной ползшим
С винтовкой...
вам в этот заветный день
Люди окажут такие почести,
Каких не бывало нигде.
Пусть по ночам вы будете вскрикивать
И, проснувшись, плакать оттого, что во сне
Осколок опять оторвал вам руку,
Пятная кровинками снег...
Пусть на рассвете глазами жадными

Вы будете всматриваться
в любимых лица
И трогать их веки и губы пальцами,
Чтобы поверить, что вам не снится...

1941

Александр ЕЛКОВ
(1926–2005)

На земле Аустерлица

Шёл сорок пятый год в зарницах.
Бомбёжка. Фланговый удар...
Полз по земле Аустерлица
ко мне с бинтами санитар.
К Берлину,
смяв поля и доты,
катил войны девятый вал.
Восход алел – как будто кто-то
штандарт победы поднимал.
Сносило дым весенним ветром,
и пулемёт взахлёб строчил.
...Ну, вот и я на поле этом
в бою осколок получил.
Замолкла где-то батарея
на новой линии огня,
и тень Болконского Андрея
прошла в трёх метрах от меня.
Под чешской сломанной телегой
лежал я, страх зажав в зубах,
и на плацдарме гулком века
мёрз в полусбитых сапогах.
Как на кресте судьбы распятый,
лежал и мёрз, навзрыд стонал,
и в изголовье у солдата
хранитель-ангел не стоял.
Взамен его другая птица,
кормясь единою войной,
ещё с времён Аустерлица
кружила хищно надо мной...

Гали ОРМАНОВ
(1907–1978)

У памятника неизвестному солдату

У подножия горы Бучеджи.*

Я видел в странствиях своих немало
Могил, где без чинов, имён и дат

Под земляным тяжёлым покрывалом
Солдаты неизвестные лежат.

Над ними гордоobeliski встали,
Цветеньем осыпает их весна.
Так что ж их неизвестными назвали,
Коль счастье, радость –
вот их имена?!

А может быть, рассветом иль зарею
Их назовут те, за кого в бою
На опалённом, дымном поле боя
Солдаты отдавали жизнь свою!

Глаза домов,
придвинувшихся близко,
Где ясным счастьем
дышит каждый миг,
Порой глядят на этиobeliski,
Как будто тоже думают о них.

Читаю надпись строгую с волненьем:
«В могиле неизвестный спит солдат...» –
И мимо прохожу с благоговеньем –
Батыры тут бессмертные лежат.

** Горный массив в центральной
Румынии, часть Южных Карпат.*

Леонид СКАЛКОВСКИЙ
(1924–2012)

Вспоминаю: берлинская площадь в огне...

Вспоминаю:
берлинская площадь в огне.
Свежий холмик: товарищ зарыт.
На могиле венки зашумели, а мне
так и кажется: плачут навзрыд...

В честь победы ударила
трубная медь.
«Взят Рейхстаг!» –
прокатилось, как гром.
Вот и песня...
Ах, как он любил её петь,
эту песню о крае родном.

Не нужны, не нужны ему
капельки слёз.

Снял пилотку и молча стою.
Он свободу на землю чужую принёс
и солдатскую славу свою!

Вспоминаю и думаю: пусть не до ста,
но, я верю, своё проживу
и увижу, как всей моей жизни мечта
к вечной дружбе придёт наяву.

Ну, а если придётся,
вдруг буду сражён
на войне — я хотел бы, как он...
Трёх минут не дожить
до победы готов
на земле побеждённых врагов!

Сагингали СЕИТОВ

(1917–2007)

Высотка

О тебе не писали в сводках...
Не село и не город ты.
Ты всего лишь в поле высотка,
Где росли трава и цветы.

Не отмечена ты на карте,
И не мог о тебе я знать.
Ни один журналист не тратил
Время, чтоб о тебе писать.

Только ты мне родней и ближе
Многих сел, что взяты в бою.
Кровь моя и друзей погибших
Пропитала землю твою.

Берхаир АМАНШИН

(1924–1986)

Жить до ста лет

Нас было мало у аула.
Нас было — стайка тополей.
Как звёздочек на лбах коней,
Нас было — горстка — у аула.

Мы были сами — стригунки,
И все окрестные джайляу
Принадлежали нам по праву,
Мы мчались в юность — стригунки.

Какая дивная пора
Беспечности, полёта, света!
Не прекращавшегося лета
Стояла дивная пора.

О кто б подумать мог тогда,
Что нашей молодости праздник
Прервётся так жестоко, страшно,
Кто б мог подумать? — навсегда.

И неба отчего шанырак,
И белой юрты покрывало
Война рукой костлявой смяла —
О неба отчего шанырак!

Кто из окопов той войны,
Кто через смерть, и смерч, и гул
К тебе вернулся, мой аул,
Из жадной пасти той войны?

Нас всех война пересчитала.
Оставшимся бы жить сто лет,
За всех, кого на взлёте лет
Война из жизни вычитала.

Но мы не в свой уходим срок:
Волнения, инфаркты, раны —
Войны минувшей ветераны,
И мы не в свой уходим срок.

Но что с того, что жил ты мало?
Ты жил для Родины — гордись.
И прожил ты большую жизнь —
Всю сотню лет. Хоть жил ты мало.

Перевод Любови Шашковой

